

УДК 811.92

ИНТЕРЛИНГВИСТИКА И СИНТЕЗИРУЮЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С.Н. Кузнецов*

Аннотация. Статья посвящена определению места интерлингвистики и синтезирующего языкознания в системе лингвистических дисциплин. Рассматривается эволюция интерлингвистики, ее альтернативные названия и их мотивация, опровергается мнение, что интерлингвистика входит в состав прикладного языкознания на правах его подразделения.

Ключевые слова: синтезирующее языкознание, интерлингвистика, естественные и искусственные языки.

INTERLINGUISTICS AND SYNTHESIZING LINGUISTICS

S.N. Kuznetsov

Abstract. The purpose of the article is to determine the place of interlinguistics and constructive linguistics within the system of linguistic branches. The author discusses the evolution of interlinguistics, its alternative denominations and their motivation, rejects the opinion that interlinguistics can be regarded as a subdivision of applied linguistics.

Keywords: linguistic constructivism, interlinguistics, applied linguistics, natural and artificial languages.

Научная специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

1. Известно различие между фундаментальными и прикладными науками (или разделами одной науки): фундаментальные науки или научные отрасли исследуют природные и социальные явления, стремясь, в конечном счете, к постижению их онтологических свойств, прикладные науки (научные отрасли) применяют данные фундаментальных наук (научных отраслей) к решению тех или иных практических задач.

В общей форме можно признать верным следующее утверждение: если объект существует до и независимо от исследовательского процесса, то мы имеем дело с фундаментальной наукой, если же объект возникает в результате исследовательского процесса, то перед нами прикладная наука.

Лингвистика, пока она изучает естественные (т.е. стихийным образом сложившиеся) языки, является фун-

даментальной наукой, но как только лингвистические данные кладутся в обоснование сознательного регулирования языка или используются для создания новых языковых систем (искусственных языков), лингвистика превращается в прикладную науку.

Однако в некоторых случаях можно наблюдать своеобразный феномен «ускользания» искусственного объекта из-под власти породившей его прикладной теории. Это приводит к соответственному преобразованию теории — обратному превращению ее из прикладной в фундаментальную. Рассмотрим этот процесс на примере искусственных языков, предназначенных для международного употребления.

2. Международные искусственные языки входят в компетенцию интерлингвистики — относительно новой отрасли языкознания, становление которой относится

к концу XIX — началу XX в. Однако сам класс искусственных языков данного типа намного старше этой лингвистической отрасли. Первые попытки построения искусственных языков известны уже в античности [2, с. 52], основы же теории создания искусственных языков принято возводить к Декарту (1629 г.). Эта теория еще не была интерлингвистикой, поскольку дело ограничивалось лишь проектированием языковых систем; самих языков (в собственном смысле этого слова) еще не было, так как не было основного признака языка — коммуникативного использования. Коммуникативное использование искусственных языковых систем начинается с 1879 г. — с появления искусственного языка волапюк, который сразу же получил весьма широкое, хотя и недолговечное социальное применение. Но если волапюк и сошел со сцены, то порожденное им социально-лингвистическое явление (движение за международный искусственный язык) продолжало развиваться дальше: на смену волапюку пришел язык эсперанто (1887), а потом и другие, хотя менее распространенные языки — идиом-неутраль (1893—1898), латино-сине-флексион (1903), идо (1907), окциденталь (1921—1922), интерлингва (1951) и пр. Так возник класс искусственных языков, социально и коммуникативно реализованных, за которыми автор данной статьи в свое время предложил закрепить термин *плановые языки* (ранее понимавшийся иначе). Судя по новым лингвистическим публикациям, это предложение было одобрено специалистами.

Интерлингвистика, как новая отрасль науки, исследует феномен плановых языков в данном понимании, т.е. языков, сочетающих в себе три признака, они: 1) искусственные (т.е. созданы по заранее составленному плану); 2) социализованные (принятые в реальном общении); 3) международные (имеют международный коллектив говорящих).

До появления первых социализованных языков (волапюк и эсперанто) существовала теория языкового проектирования, основания которой были заложены Декартом и Лейбницем, но интерлингвистики в собственном смысле еще не было, так как не было возможности испытать языковой проект в реальном функционировании. И только когда теория проектирования пополнилась теорией функционирования плановых языков, — возникла интерлингвистика. В разработке теории функционирования плановых языков ведущая роль принадлежит Рене де Соссюру (1868—1943), вклад которого в развитие интерлингвистики сопоставим с вкладом его старшего брата Фердинанда де Соссюра в развитие общего языкознания.

Исследуя словообразование крупнейшего из искусственных языков — эсперанто, Р. де Соссюр [9] обнару-

жил в нем такие закономерности, которые не были предусмотрены в первоначально опубликованном проекте этого языка. Тем самым было показано, что искусственный язык в ходе своего социального применения может развить в себе новые черты, вскрыть которые можно лишь путем наблюдения за функционированием этого языка — подобно тому, как это делается при исследовании естественных языков [2, с. 138].

3. Соединив в себе два указанных начала — теорию проектирования планового языка и теорию его функционирования, новая лингвистическая отрасль обрела собственное лицо и стала нуждаться в адекватном терминологическом обозначении. Волапюк, первый плановый язык, и эсперанто, основной представитель класса плановых языков, дали начало двум традициям в именовании науки о плановых языках. Волапюк (что означает 'всемирный язык' — от видоизмененных английских слов world 'мир' и speak 'говорить') отразился в синонимичном ему термине *Kosmoglosse* (нем. < греч., где *kosmos* имеет значение 'мир', а не 'вселенная'), откуда название науки — *космоглоттика*. Эсперанто, первоначально выступавший под названием *Internacia Lingvo* 'международный язык', породил множество подражаний, в том числе и терминологических, благодаря чему итальянский математик и лингвист Дж. Пеано в 1903 г. получил возможность предложить сокращенный термин *interlingua* 'международный язык' [8]. А еще через несколько лет, в 1911 г., другой видный теоретик международных языков, бельгиец Ж. Мейсманс опубликовал статью «Новая наука», где впервые прозвучал термин «интерлингвистика» (от *interlingua*), ныне общепринятый [7].

По определению Ж. Мейсманса, интерлингвистика — это наука, призванная «изучать естественные законы формирования общих вспомогательных языков»; под «общими вспомогательными языками» Мейсманс понимал не только искусственные, но и естественные языки в их роли посредников межъязыкового и даже междialeктного общения. Между прочим, Мейсманс задавался вопросом, могут ли искусственные языки явиться объектом научного исследования. Ведь такие языки, говорил он, существуют пока еще лишь на стадии проекта и, не будучи подлинными языками, не могут составить предмета научного наблюдения. Мейсманс считал, что искусственные языки могут стать объектом науки лишь в контексте изучения международных естественных языков, законы формирования которых, как языков-посредников, могут быть перенесены и на искусственные языки.

Понимание Мейсмансом предмета интерлингвистики во многом близко современным представлениям:

в период после второй мировой войны, отзываясь на возросшую сложность мировой лингвистической ситуации, интерлингвистика все чаще обращается к анализу международных искусственных языков в сопоставлении с естественными языками в роли международных. Однако, признавая с Мейсмансом необходимость изучения всех языков-посредников межъязыковой коммуникации, мы должны внести серьезные коррективы в его утверждение, что плановые языки не составляют самостоятельного предмета исследования. Одновременно с Мейсмансом публиковал свои работы Р. де Соссюр [9], где, как уже говорилось, было фактически установлено превращение языкового проекта в полноправный язык с особыми законами функционирования. Эти-то законы (в сопоставлении с закономерностями формирования международных естественных языков) и составляют предмет интерлингвистического исследования.

Впрочем, подобное понимание объекта интерлингвистики было достигнуто не сразу. Языковедам термин «интерлингвистика», да и сама эта исследовательская область стали известны не из упомянутой работы Мейсманса, а из статьи О. Есперсена 1931 г., где интерлингвистика опять предстает как «новая наука» [6]. Есперсен дает интерлингвистике следующее определение: «отрасль языкознания, которая исследует структуру и основные понятия всех языков, имея целью установление норм для международных языков (interlanguages), т.е. вспомогательных (искусственных) языков, предназначенных для устного и письменного общения между людьми, которые не могут объясниться с помощью родного языка» [6, с. 1]. Как видим, это определение подчеркивает содержательную и терминологическую связь между интерлингвистикой (interlinguistics) и ее предметом — международными языками (interlanguages), однако, по сравнению с Мейсмансом, Есперсен сужает круг международных языков, подлежащих ведению интерлингвистики, так как включает в него лишь международные искусственные языки. Такой подход (не соответствующий современным принципам) вызван сближением интерлингвистики с родственной ей дисциплиной — *синтезирующим языкознанием*.

4. Идея синтезирующего языкознания возникает параллельно с идеей интерлингвистики (космоглотики) и происходит из тех же источников. Плановые языки как особый класс языков человеческого общения могут характеризоваться с двух точек зрения: 1) как языки международные и 2) как языки искусственные. По первому признаку они группируются вместе с международными естественными языками, по второму признаку — с искусственными языками, не являющимися международными. На рубеже XIX—XX вв. известная функцио-

нальная общность всех международных языков — естественных или искусственных — осознавалась уже достаточно ясно, что и выразилось в определении интерлингвистики у Ж. Мейсманса. Таким образом, интерлингвистика с самого начала возникает на основе обобщения признака международности: отправляясь от теории международных искусственных языков, она стремится расширить свой предмет и стать общей наукой о всех типах международных языков.

Правда, расширение предмета исследования было бы возможно и при обобщении признака искусственности: в этом случае появилась бы общая наука об искусственных языках — как международных, так и иных. Категория искусственных языков не ограничивается лишь такими языками, как волапюк и эсперанто. Классик младограмматического направления в языкознании Г. Пауль в «Принципах истории языка», вышедших первым изданием в 1880 г. (т.е. почти одновременно с волапюком), во многих местах говорит об искусственных языках, но под ними понимает лишь определенные разновидности национальных языков, которые подверглись сознательному упорядочению (в противоположность стихийному развитию «естественных» диалектов). Так, к искусственным языкам он причисляет «специальную терминологию отдельных ремесел, искусства и науки, употребляемую преимущественно или исключительно представителями определенных профессий и в некоторой части совершенно непонятную другим», а также особые языки поэзии и прозы [4, с. 67]. Различие между естественным и искусственным языками, по Паулю, проводится в зависимости от способа их усвоения: «...большинство говорящих пользуются двумя, а иногда и более чем двумя индивидуальными языками, один из которых приближается к норме, другой — к диалекту. Последний усваивается еще с детства, он свойствен данному индивиду от природы и является его естественным языком; первый искусственно приобретает им в более позднем возрасте, в результате сознательных усилий» [4, с. 481].

Аналогичную точку зрения высказывает в 1889 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ (в работе «О задачах языкознания»): «...очевидна необходимость подчеркнуть разницу между языками в естественном (природном) состоянии и искусственно выращенными языками, языками литературными, — разницу, которая находит себе аналогию в мире диких и домашних животных, в мире диких и культурных растений». Искусственно нормализованные языки Бодуэн сопоставляет с искусственными языками в собственном смысле слова, такими, как волапюк [1, с. 216]. Это сближение и является теоретической основой для попыток построе-

ния общей науки об искусственных языках — их объединяет то, что они появляются в результате лингвистического *синтеза*, тогда как естественные языки подлежат ведению лингвистического *анализа*. Оба эти термина и данное противопоставление также встречаем у Бодуэна де Куртенэ. В своей первой работе по интерлингвистике, носящей название «Об искусственном языке» (1905; см. публикацию в настоящем номере журнала), Бодуэн, истолковывая Лейбница, пишет о его требовании, «чтобы синтетической работе создания всеобщего языка предшествовал точный и подробный анализ существующих живых языков во всем их разнообразии» (разрядка авт.).

Годом позже (1906) выдающийся немецкий естествоиспытатель и теоретик международного языка В. Оствальд уже прямо говорит о выделении особой научной отрасли — *синтетической филологии*, занимающейся созданием языка, в то время как традиционная (*аналитическая*) филология лишь описывает язык [3, с. 22]. Эта мысль была повторена в 1921 г. австрийским терминологом и интерлингвистом Э. Вюстером, предложившим называть *синтезирующим языкознанием*, «ту относительно новую отрасль лингвистики, которая не только констатирует, но и сознательно влияет на эволюцию языка» [12, с. 209]. Такой подход, по Вюстеру, возможен как к национальным (т.е. естественным), так и к искусственным языкам, но если в первом случае возможность сознательного влияния на языковую эволюцию ограничена, то по отношению к искусственным языкам возможен только сознательный подход, поэтому интерлингвистика и ее частные разделы (например, теория эсперанто — эсперантология) полностью принадлежат к синтезирующему языкознанию.

Сходным образом различал «анализ» и «синтез» как разные подходы к языкам советский исследователь 30-х гг. Е.Ф. Спиридович, указывавший, что в лингвистике все более укореняется «мысль о творческом подходе к языку, об искусственном изменении и совершенствовании языка. Вместо изучения языка выдвигается задача *изменения* его, анализ языка уступает место синтезу его» [5, с. 58]. Научную отрасль, занимающуюся синтезом языка, Спиридович предлагает именовать «лингвотехнологией», отводя ей две основные задачи: «1) создание вспомогательного международного языка и 2) рационализация и усовершенствование на[ционально]-литературных языков» [5, с. 29].

Термины «синтетическая филология» и «лингвотехнология» в лингвистике не укоренились, но термин «синтезирующее языкознание» имеет все права на существование в силу своей ясности и точности. В том же смысле В. Таули предлагал термин «теория языко-

вого планирования», определяя языковое планирование как «методическую деятельность по упорядочению и совершенствованию существующих языков или по созданию новых общих региональных, национальных или интернациональных языков» [10, с. 27]. Интерлингвистику Таули понимает как отрасль теории языкового планирования, «которая исследует принципы, методы и тактику планирования международного языка» [10, с. 167].

5. Сравнимая определения интерлингвистики у Есперсена и синтетической филологии у Оствальда (равно как синтезирующего языкознания у Вюстера, лингвотехнологии у Спиридовича или теории языкового планирования у Таули), можно заметить, что во всех этих случаях речь идет об одном и том же предмете — создании искусственного языка в контексте общего целенаправленного воздействия человека на язык. Но если так, то интерлингвистику вместе с синтезирующим языкознанием следует относить к прикладной лингвистике. Горячим сторонником такого подхода был Н.В. Юшманов, получивший широкую известность среди отечественных языковедов своими трудами по арабистике и семитологии, но не менее известный и как теоретик международного языка. В 1922 г. Юшманов опубликовал статью «Прикладная (энергетическая) лингвистика» [13], где отнес к ее ведению все, что предполагает «сознательное вмешательство в область языка». По его мнению, к прикладной лингвистике относятся: реформы орфографии, стенография, письменные и устные сокращения, терминология науки и техники, создание письменностей и литературных языков, международный язык. Теория международного языка рассматривается Юшмановым как отрасль прикладного языкознания.

Эта точка зрения сохраняет немало приверженцев и в настоящее время. Известный нидерландский интерлингвист Ферлорен ван Темеат заявляет: «Интерлингвистика — не чистая, а прикладная наука. Ее цель не в том, чтобы найти истину, а в том, чтобы найти наиболее действенный инструмент международной коммуникации» [11, с. 22].

Однако как бы эта точка зрения ни казалась оправданной и логичной, на самом деле ее следует признать ошибочной. Ошибка состоит в отождествлении интерлингвистики с одной из ее составных частей — теорией языкового проектирования, т.е. той теорией, которая существует со времен Декарта, но которой недостаточно для того, чтобы составить интерлингвистику, так как при этом исчезает второй (и наиболее важный) аспект изучения планового языка — в плане его реального функционирования. Именно игнорированием это-

го второго аспекта объясняется то, что Вюстер считает интерлингвистику частью синтезирующего языкознания, Таули — частью теории языкового планирования, а Юшманов — частью прикладной лингвистики.

На самом деле интерлингвистика лишь частично вписывается в рамки синтезирующего языкознания и его аналогов. Действительно, если синтезирующее языкознание предусматривает воздействие на эволюцию существующего языка либо создание нового, то коммуникативно реализованные и функционирующие плановые языки оказываются в основном за пределами синтезирующего языкознания: такие языки уже нет необходимости создавать, а сознательное воздействие на их эволюцию возможно не в большей степени, чем сознательное воздействие на национальные языки. В эсперантологии давно утвердился тот взгляд, что плановый язык развивается на началах *свободной эволюции* (на эсперанто — *libera evoluo*), так как любые попытки навязать языку реформы «сверху» или, наоборот, сдерживать ход его развития неизменно оканчивались провалом. Задача же исследования скрытых закономерностей, проявляющихся в функционировании планового языка (с чего, собственно, и началась эсперантология как научная дисциплина), остается всецело вне синтезирующего языкознания (и даже вне интерлин-

гвистики, если согласиться с ее пониманием в духе Есперсена).

Применительно к реально функционирующим плановым языкам на первое место выдвигается задача не их конструирования, а изучения в общественной практике, следовательно, мы должны дать предпочтение такому определению интерлингвистики, которое учитывало бы совмещение в ней двух теорий — теории языкового проектирования (входящей в компетенцию прикладного языкознания) и теории функционирования планового языка (лежащей вне прикладного языкознания). Кроме того, плановые языки, включаясь в объективную языковую ситуацию современного мира, принимают на себя общую функцию с международными естественными языками (национальными в роли интернациональных), следовательно, изучение плановых языков не может обойтись без анализа всего класса международных языков, что также не подпадает под юрисдикцию прикладного языкознания. Поэтому мы считаем необходимым определять интерлингвистику как науку о межъязыковом общении и международных языках в целом. При таком понимании интерлингвистика остается, конечно, отраслью языкознания, но она не может считаться отраслью прикладного языкознания, хотя и имеет с ним ряд общих разделов.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
2. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.
3. Оствальд В. Международный язык: 2 доклада. М., 1908.
4. Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. М., 1960.
5. Спиридович Е.Ф. Языкознание и международный язык. М., 1931.
6. Jespersen O. A new science: interlinguistics. Cambridge, [1931]. (Отд. оттиск из журн.: *Psyche*. Cambridge, 1931, Jan.).
7. Meysmans J. Une science nouvelle // *Lingua internationale*. Bruxelles, 1911. N 8.
8. Peano G. De latino sine flexione, lingua auxiliare internationale // *Revue de Mathématiques*. Torino, 1903. N 3.
9. [Saussure R. de; под псевд.:] Antido. La construction logique des mots en Espéranto. Genève, 1910.
10. Tauli V. Introduction to a theory of language planning. Uppsala, 1968.
11. Verloren van Themaat W.A. Pri la kaŭzoj de la malkonsentoj en la interlingvistiko // *Acta interlinguistica* (12-a scienca interlingvistika simpozio). Varsovio, 1985.
12. Wüster E. Esperantologiaj studoj. Antverpeno; La Laguna, 1978.
13. Yushmanov N. L'aplikata (energetikal) lingvistiko // *Mondo*. 1922. N 8—9.